



V.

Недостатокъ просвѣщевія въ юго-западной Руси въ концѣ XVI стол.--Сознаніе этого недостатка передовыми западно-руссцами и заведеніе ими въ разныхъ мѣстахъ школъ.—Замѣчанія о состояніи сихъ школъ до вступленія П. Могилы на кіево-печерскую архимандрию.—Намѣреніе П. Могилы преобразовать лаврскую школу въ высшее учебное заведеніе.—Посылка имъ въ заграничныя коллегіи молодыхъ людей для подготовленія къ профессорскому званію.—Смерть митрополита Іова Борецкаго, послѣдовавшая среди заботъ Могилы о преобразованіи школъ, и избрание нового митрополита.--Враждебное отношеніе къ нововозникшей Могилянской коллегіи со стороны кіевлянъ.—Рѣшеніе соединить лаврскую, преобразованную школу со школою кіево-богоявленскою и краткія тоговременныя свѣдѣнія о первой за время, предшествовавшее означенному соединенію.

Извѣстно, что до конца XVI стол. уровень просвѣщенія въ юго-западной Россіи находился не на высокой степени. Школъ было мало, да и въ тѣхъ обученіе ограничивалось исключительно умѣньемъ читать (церковно-богослужебныя книги) и писать. Только со времени люблинской унії и появленія въ литовско-русскихъ областяхъ іезуитовъ, когда усилившаяся пропаганда католицизма серьезно стала угрожать православію, въ средѣ наиболѣе дальновидныхъ южно-руссцевъ явилось сознаніе въ неотложной необходимости научнаго образованія,—явилось сознаніе, что то «велми много зашкодило пан-



ству русскому, же не могли школъ и наукъ по-
попитыхъ розширяти, и оныхъ не фундовано: бо
коли бы были науку мѣли, тогда бы за невѣдо-
мостю своею не пришли до таковыя погибели»;
потому что православные, «не мающи своихъ наукъ,
у науки Римскіе свои дѣти давати почали, которые
зъ науками и вѣры ихъ навыкли, и такъ малу—по
малу науками своими все панство Русское до вѣры
Римской привели, ижъ потомкове княжать Русскихъ
зъ вѣры православной на Римскую выкrestилися,
и назвізка и имена собѣ поотмѣняли, яко-бы ни-
коли не зналися быти потомками благочестивыхъ
родителей своихъ»¹⁾). Результатомъ такого сознанія
было заведеніе ревнителями православія школъ въ
Остроіть, Львовъ, Вильнъ и нѣкоторыхъ другихъ го-
родахъ (преимущественно при братствахъ). Всѣ эти
школы оказали несомнѣнную услугу для южно-ру-
сской церкви. Преиеполненныя свято-отеческими
традиціями и горячею любовію къ православію, онѣ
служили сильнымъ оплотомъ при борьбѣ южно-
руссцевъ съ иновѣрною пропагандою и выпустили
изъ своихъ стѣнъ не мало знаменитыхъ учителей
и поборниковъ православія. Но тѣмъ не менѣе,
православныя школы (до-могилянскія) не возвысили
научнаго образованія до той высоты, какая требо-
валась обстоятельствами времени. Кругъ преподо-
ваемыхъ въ нихъ наукъ хотя и былъ довольно об-
ширенъ, но самыя науки изучались не въ полной
и строгой системѣ, а отрывочно. Особенно не вы-

¹⁾ А. З. Р. т. IV. № 149, стр. 204—205.

соко стояло въ нихъ преподаваніе языка латинскаго, знаніе котораго считалось въ то время необходимою принадлежностію людей образованныхъ (больше обращалось вниманія на греческій языкъ). Вслѣдствіе этого нововозникавшія родныя школы не могли вполнѣ замѣнить для южно-руссцевъ коллегій иновѣрныхъ, въ особенности іезуитскихъ, ослѣплявшихъ современниковъ огромною ерудиціею, строго научными формами преподаванія, замѣчательнымъ педагогическимъ тактомъ не говоря уже о латынѣ, которая положена была здѣсь въ основу обученія. Недостатокъ научныхъ средствъ въ западно-русскихъ школахъ сознавали и сами православные и потому, по выходѣ изъ нихъ, не рѣдко отправлялись для завершенія своего образованія въ коллегіи иновѣрныхъ. «Для чего»—съ насмѣшкою обращались панисты къ православнымъ южно-руссцамъ—«для чего вы до вынужденія костела римского удаетесь, и науки ихъ лапаете и вшелякимъ способомъ ласкъ собѣ у нихъ еднаете?—А то для того, абысте отъ нихъ могли чого научити... бо ваша наука слаба, и мусите отъколь—иноль на нее ся здобыти, а звлаща отъ вынужденія костела римскаго»²⁾.—Посѣщая чуждыя коллегіи, православные южно-руссцы имѣли въ виду добрыя цѣли,—хотѣли, оставивъ въ сторонѣ иновѣрныхъ идеи, освоиться только съ научными пріемами, господствовавшими въ сихъ коллегіяхъ, облечься во всеоружіе науки, чтобы

²⁾ Русская Историч. Библіотека, издаваемая археограф. комиссию. т. VII., столбцы 104—105.



впослѣдствіи обратить его противъ своихъ же учителей; но это не всегда удавалось: многіе изъ такихъ ревнителей просвѣщенія, отъ «чуждаго источника плюще», невольно заражались «смертоноснымъ ядомъ иновѣрія» и «ко мрачнотемнымъ римляномъ уклонялися». Такимъ образомъ, зло, бывшее послѣдствіемъ неимѣнія южно-русскими собственныхъ школъ, окончательно не прекращалось и послѣ об-заведенія ими.—Очевидно, православнымъ южно-русскимъ для того, чтобы съ корнемъ уничтожить означенный вредъ отъ посвѣщенія ихъ соотчичами иновѣрныхъ коллегій,—нужно было возвысить уровень образованія въ собственныхъ школахъ, необходимо было увеличить ихъ научныя силы до равенства съ научными силами противной стороны, и, такимъ образомъ, обеспечить своимъ питомцамъ всестороннее образованіе. Но подобная, вызывавшаяся самою жизнью реформа православныхъ школъ въ юго-западной Россіи, до времени Могилы не состоялась. Причинъ тому было много

Во первыхъ, уже при самомъ *заведеніи* православныхъ школъ въ западно-русскихъ областяхъ, съ разширеннымъ противъ прежняго кругомъ наукъ, встрѣтился ощутительный недостатокъ въ потребномъ количествѣ способныхъ для сего преподавателей. Обращались за научною помощью къ грекамъ, приходилось даже обращаться за нею и къ иновѣрцамъ. При *преобразованіи* же *заведенныхъ* школъ въ высшія учебныя заведенія подобный недостатокъ обнаружился бы еще въ большихъ размѣрахъ и даже (по крайней мѣрѣ безъ значитель-

ныхъ денежныхъ затратъ) едва-ли могъ быть восполненье: еще слишкомъ молода была наука въ юго-западной Россіи!—Во вторыхъ, заведеніе передовыми южно-русскими школъ съ введеніемъ новыхъ, прежде непреподававшихся предметовъ,—недружелюбно встрѣчено было некоторыми ревнителями православія съ консервативнымъ образомъ мыслей. «Сила духа—говорили они—не въ художествѣ вышняго наказанія и философскаго постиженія обрѣтается, но върою смиренномудрія даруется.. Хитрорѣчіемъ простота и буяя премудрость Божія безчестится, крестъ Христовъ поруганъ бываетъ... Латинская премудрость—прямая дорога къ аду. Реторика, діалектика и прочія поганскія (латинскія) хитрости и руководства суть изобрѣтеніе діавола, ведущаго борьбу съ славянскимъ языкомъ, какъ съ самымъ плодоноснѣйшимъ и самымъ пріятнѣйшимъ Богу. Поэтому, не лучше-ли изучить богомолебный и праведнословный часословецъ, молебный псалтирь, плачиваій и смиренномудрый охтаихъ, евангельскую и апостольскую проповѣдь (съ толкованіемъ простымъ, а нехитрымъ) и прочія богослужебныя книги, и чрезъ то получить жизнь вѣчную,—чѣмъ постигнуть Аристотеля красномовнаго, Платона и другія вавилонскія хитрости—и со всѣмъ этимъ отойти въ геенну огненную»³⁾?—Подобные взгляды на образованіе, которые нерѣдко были направлены по адресу къ западно-русскимъ

³⁾) *Прилож.* № XVIII. А. Ю. и З. Р. т. II (посланія Іоанна Вишенскаго).



школамъ⁴⁾, служили не малою преградою къ разширенію круга и объема преподававшихся въ нихъ наукъ,—тѣмъ болѣе, что подобные взгляды и наставлениа зачастую исходили отъ лицъ, известныхъ своею приверженостю къ православію и пользовавшихся огромнымъ вліяніемъ въ средѣ южно-русскаго народоселенія.—Наконецъ, къ числу немаловажныхъ причинъ, тормозившихъ развитіе и процвѣтаніе западно-русскихъ школъ, должно отнести тѣ притѣсненія и ограниченія, которымъ подвергались они со стороны иновѣрнаго польскаго правительства. Считая православные школы «разсадниками, гдѣ питается схизма», усматривая въ нихъ сильную помѣху для пропаганды католицизма, латиноуніатскія власти всячески старались умалить значение русскихъ учебныхъ заведеній, офиціально низводя ихъ на степень пизшихъ училищъ, урѣзывая ихъ права и привилегіи, ограничивая кругъ и объемъ преподаваемыхъ въ нихъ предметовъ. Львовское братство, потративъ множество материальныхъ средствъ (на подарки при королевскомъ дворѣ), заручившись ходатайствомъ такихъ влиятельныхъ лицъ, каковы молдавскій воевода Іеремія

⁴⁾ Въ особенности часто приходилось выслушивать подобные взгляды болѣе передовому изъ западно-русскихъ братствъ львовскому. Іоаннъ Вишенскій неоднократно укорялъ означенное братство, что иѣ-которые изъ его наставниковъ, „только байки литерскія знаютъ“, „привержены къ хитростнымъ латинскимъ наукамъ“; а потому „къ церковному послѣдованію, въ славословію, благодаренію и молитвѣ мало потребны суть“ (посланія Вишенскаго, печатаемая нами въ *Арх. юго-зап. Рос.*).



Могила и князья Острожскій и Скуминъ--Тышкевичъ,—едва могло получить отъ Сигизмунда III право pro tractandis liberis artibus, т. е. право преподавать въ своей школѣ предметы въ объемѣ нѣсколько разширенномъ сравнительно съ учебными заведеніями низшихъ разрядовъ. Какія послѣ этого жертвы и усиленія потребовались бы для исхода датайствованія у нерасположенного къ православнымъ короля на открытие высшей коллегіи, по своимъ учебнымъ правамъ равняющейся коллегіямъ латинскимъ?...

Такимъ образомъ, хотя во времени вступленія П. Могилы на кіево печерскую архимандрію число православныхъ школъ въ западно-русскихъ областяхъ и увеличилось, но научная постановка дѣла въ нихъ,—какъ въ новыхъ, такъ и въ прежнихъ (существовавшихъ съ конца XVI стол.),—не сдѣлала замѣтныхъ шаговъ впередъ. Даже есть нѣкоторое основаніе предполагать, что лучшія и старѣйшія школы едва-ли не испытывали по временамъ въ учебномъ отношеніи поворота къ худшему.—Самыми передовыми западно-русскими школами конца XVI стол. были: *Острожская, Виленская* и въ особенности *Львовская*. Но что же мы видимъ?—Острожское училище, носившее даже сначала название *академіи*, славившееся своими преподавателями—»мужами великой учености«,—обогатившее западно-русскую литературу многими изданіями книгъ религіознаго и религіозно-полемического содержанія,—это училище, спустя 15—20 лѣтъ послѣ своего основанія, замѣтно, оскудѣваетъ науч-

ными средствами. Уже въ 1592 г. князь Острожский заявлялъ (въ письмѣ къ львовскому братству) *о скудости у себя учителей и великомъ, вслѣдствіе этого, научномъ голодѣ въ основанной имъ школѣ*⁵⁾. Въ концѣ послѣдняго десятилѣтія XVI в. замѣчается въ Острогѣ какъ бы оживленіе въ научномъ отношеніи; но вскорѣ опять наступаетъ *скудость* учителей, которую князь тщетно старается восполнить призывомъ къ себѣ ученыхъ грековъ⁶⁾. Со смертію Острожского († 1608), основанное имъ училище падаетъ окончательно.— *Виленская братская школа*, въ начальные годы своего существованія крайне бѣдная научными силами, но потомъ быстро окрѣпшая,— съ 30 г. XVII стол., вслѣдствіе нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ (смерть Л. Карповича, измѣна православію М. Смотрицкаго, оставленіе братства Ис. Трофимовичемъ-Козловскимъ), тоже постепенно клонится къ упадку. Даже *Львовская школа*, бывшая въ разematриваемое время главнымъ разсадникомъ просвѣщенія во всей юго западной Россіи, стяжавшая славу *almae matris* по отношенію почти ко всѣмъ западно-русскимъ учебнымъ заведеніямъ, щедро снабжая ихъ какъ учителями, такъ и учебными пособіями,— даже и эта школа во второмъ десятилѣтіи XVII в. обнаружила наклонность къ паденію. Дѣло въ томъ, что львовское братство, сильно занятое уже нѣсколько лѣтъ тянувшимою постройкою своей великолѣпной

⁵⁾ Письмо К. И. Острожского къ львовскому братству помѣщено въ 1 т. сочиненій М. А. Максимовича (стр. 190).

⁶⁾ Прилож. № XXIII.

церкви, имѣло большую нужду въ материальныхъ средствахъ и вслѣдствіе этого—какъ-видно—значительно начало убавлять жалованье своимъ школьнымъ наставникамъ. Въ средѣ послѣднихъ возникло естественное неудовольствіе, пишу которому давало еще и то обстоятельство, что самое положеніе наставниковъ отъ нетактичнаго вмѣшательства въ дѣло преподаванія цѣлой корпораціи братчиковъ, было довольно стѣснительное. И вотъ мы замѣчаемъ постепенное оскудѣніе во львовской школѣ научныхъ силъ. Іовъ Борецкій, Митура и нѣкоторые другіе школьные дидаскалы постепенно оставляютъ Львовъ, переходя въ другія города, преимущественно же въ радушно принимающій ихъ Кіевъ. Для характеристики львовской школы въ 20 г. г. XVII стол. весьма важный памятникъ представляеть помѣщенное нами въ приложеніяхъ письмо Дмитрійскаго патріарха Кирилла Лукариса ко львовскимъ братчикамъ, которые, ощущивши недостатокъ въ наставникахъ, просили патріарха о присылкѣ имъ искуснаго дидаскала. «Вы просите меня о дидаскалахъ—писалъ въ отвѣтъ имъ Лукарисъ,— я радъ бы помочь вамъ въ этомъ дѣлѣ, если бы былъ увѣренъ, что, хорошо начавши доброе дѣло, вы пожелаете его хорошо и продолжать». Но въ этомъ патріархъ, вслѣдствіе дошедшемъ до него слуховъ, очевидно не былъ увѣренъ; а потому совѣтуетъ, чтобы братчики, фундая школы и приглашая къ себѣ дидаскаловъ серьезно позаботились бы и о приличномъ обезпеченіи послѣднихъ, потому что трудиться безъ вознагражде-

нія никто не согласится. Хвалятся іезуиты, что они учатъ даромъ; но это неправда: они получаютъ (только другими способами) за свой трудъ гораздо больше, чѣмъ сколько платятъ за обученіе въ православныхъ школахъ. Братство, заботясь о процвѣтаніи своихъ школъ, не должно упускать этого изъ вида. Кромѣ того, въ интересахъ школы важно, чтобы *радцами* (совѣтниками, контролерами) надъ нею были только два или три лица, нарочито для того избранныя, а не всѣ братчики (какъ это обыкновенно бывало) вмѣшивались въ дѣло обученія и своими разнорѣчивыми распоряженіями тормозили правильный ходъ преподаванія⁷⁾.

Такимъ образомъ — повторяемъ — хотя предъ вступленiemъ П. Могилы на кіево-печерскую архимандрію числе школъ въ западно-русскихъ областяхъ, сравнительно съ предшествующимъ временемъ, и увеличилось, но положеніе даже лучшихъ изъ нихъ (львовская школа, которой приходилось выслушивать укоризны отъ Лукариса, все-таки стояла выше другихъ въ учебномъ отношеніи) было далеко не блестящее. Со временеми своего возникновенія не сдѣлавши замѣтныхъ шаговъ въ развитіи учебнаго дѣла, даже по временамъ показывая въ этомъ отношеніи поворотъ къ худшему, означенныя школы не переставали считаться въ глазахъ южно-руссцевъ только низшими, и во всякомъ случаѣ не болѣе какъ средними учебными заведеніями, не дававшими своимъ питомцамъ полнаго, всесто-

⁷⁾ Прилож. № XXVIII.

ронняго образованія. Между тѣмъ потребность къ просвѣщенію въ средѣ южно-руссцевъ все болѣе и болѣе увеличивалась; насмѣшки противниковъ православія надъ безсиліемъ западно-русскихъ школъ удовлетворять этой потребности слышались все чаще и чаще, становились все язвительнѣе и обиднѣе. Богъ караетъ схизматиковъ говорили католико-уніаты:—отъ того у нихъ нѣтъ хорошихъ школъ, а ученаго человѣка и со свѣчию не найдешъ. «Всѣ ваши попытки—писалъ, обращаясь къ православнымъ, М. Смотрицкій, послѣ своего перехода въ унію,—всѣ ваши попытки поднять просвѣщеніе не удаются. Плохи были ваши школы прежде, а теперь стали еще хуже. Гдѣ училища Острожское, Львовское, Брестское, и другія? А Виленское?—Много было потрачено на него кошту (издержекъ), а пользы мало: вотъ уже сколько лѣтъ изъ него, какъ изъ камня,—ни огня, ни воды... Дѣти въ вашихъ школахъ, только и получаютъ тотъ прибытокъ, что изъ телятъ становятся волами⁸⁾.

Недостаточность научныхъ средствъ въ западно-русскихъ школахъ и произтекавшія отъ этого вредныя послѣдствія для православія П. Могилой, какъ человѣкомъ умнымъ и всесторонне образованнымъ, были очень хорошо сознаваемы. Отсталость южно-руссскаго народоселенія въ научномъ отношеніи сравнительно съ католико-уніатами съ считалъ великимъ *понижениемъ* и видѣлъ въ этомъ

⁸⁾ *Paraenesis*, 1629 г. стр. 32. *Exesisis* 1629 г. стр. 100,— и другія мыста въ означенныхъ сочиненіяхъ М. Смотрицкаго.

огромный ущербъ для православія. Величайшая, незавидная услуга нашего іерарха для южно-русской (или, точнѣе, для *всей* русской) церкви состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что онъ, пламенія любовію къ просвѣщенію, далъ себѣ торжественную клятву снять съ русскаго народа означенное поношеніе и въ теченіи всей своей жизни свято исполнялъ ее, не щадя для этого собственныхъ средствъ, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, не смущаясь никакими трудностями. Надежнѣйшимъ средствомъ къ поднятію и развитію просвѣщенія въ юго-западной Руси Могила считалъ основаніе здѣсь такихъ коллегій, которыя бы, по духу своему будучи строго православными, въ научномъ отношеніи нисколько не уступали лучшимъ коллегіямъ западно-европейскимъ и польскимъ,—которыя бы, стоя въ уровнѣ съ потребностями времени, могли доставлять своимъ питомцамъ полное, всестороннее образованіе и, такимъ образомъ, поездки южно-руссцевъ за границу, съ цѣллю восполнить пробѣлы домашняго воспитанія, дѣлали излишними.

Свое торжественное обѣщаніе—водрузить знамя науки на русской почвѣ—нашъ іерархъ сталъ приводить въ исполненіе тотчасъ же по своемъ вступленіи на архимандрію. По свидѣтельству одного изъ воспитанниковъ кіево-могилянской коллегіи еще первой половины XVII стол., Могила (вскорѣ по принятіи архимандричьяго сана), »пославъ отъ всея капитулы кіевскія въ Царьградъ къ св. патріарху, испроси отъ него благословеніе завести

школы въ Киевѣ латинскихъ и польскихъ училищъ и прежде избравъ монаховъ угодныхъ, разослалъ въ разныя государства ради наукъ, между которыми былъ покойникъ Иннокентій Гизель⁹⁾). Впослѣдствіи это свидѣтельство напими историками¹⁰⁾ было дополнено. Въ числѣ лицъ, посланныхъ Могилою за-границу для обученія *словеснымъ и высшимъ наукамъ*, они, кроме Гизеля, поименовываютъ еще *Сильвестра Коссова, Тарасія Левонича Земку, Ісаю Трофимовича-Козловскаго, Софропія Попчапскаго и Інатія Оксеновича-Старушича*. Но, въ большинствѣ случаевъ, означенное дополненіе (очевидно исключительно основанное на томъ предположеніи, что педагогическая дѣятельность почти всѣхъ поименованныхъ лицъ принадлежитъ времени могилянскому) сдѣлано неудачно. Такъ *Тарасій Левонич Земка*,—какъ это замѣчено еще М. А. Максимовичемъ—съ 1624 г. до самой своей кончины († сент. 1632 г.) видѣнъ постоянно, изъ году въ годъ, въ пещерскомъ монастырѣ—типографомъ, проповѣдникомъ, соборнымъ старцемъ; а также съ 1627 г. игуменомъ кіево-богоявленского братства¹¹⁾. Точно также *Ісаю Трофимовича-Козловскаго* въ 20 и 30 годахъ XVII стол. мы видимъ живущимъ въ Вілен-

⁹⁾ Изъ письма Гавріїла Доменікаго къ новгородскому митрополиту Іову, конца XVII стол. (см. *Прибавл. къ творен. св. отиски* 1846 г., ч. VI, стр. 37).

¹⁰⁾ Преосв. Евгеній, преосв. Макарій (въ исторіи Кіев. Академії), Аскоченскій, Костомаровъ, и друг.

¹¹⁾ Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. II, стр. 179.

скомъ братствѣ, а со времени поступленія Могилы на архимандрію встрѣчаемъ его въ Лаврѣ только какъ временнаго, почетнаго гостя, уже въ то время славившагося своими научными познаніями и бывшаго (по всей вѣроятности во Львовѣ) профессоромъ философіи¹²⁾). Силевестръ Коссовъ въ 1630 и началъ 1631 г. былъ наставникомъ львовской школы¹³⁾. (Да при томъ, если-бы Козловскій и Коссовъ дѣйствительно были послыаемы въ заграничные училища *Могилою* и при томъ на собственный счетъ, то обязательства съ его стороны—о которыхъ говоримъ ниже—по отношенію къ этимъ лицамъ не представлялись бы излишними?) Объ Оксеновичъ—Старушичъ не имѣется никакихъ свѣдѣній за первое время существованія кіево-могилянскій коллегіи; его служеніе здѣсь принадлежитъ сравнительно позднѣйшему времени. Софроній Почапскій, молодой ученой, воспитывавшійся въ кіево-богоявлевской школѣ въ началѣ 30 г. XVII стол., (онъ первый, подъ именемъ Стефана Почапскаго обозначенъ въ числѣ 20 спудеевъ, читавшихъ составленныя Саковичемъ вирши надъ гробомъ Сагайдачнаго), занявшій профессорскую должность въ кіево-могилянскій коллегіи *съ самого ея основанія*¹⁴⁾, дѣйствительно могъ быть въ числѣ моло-

¹²⁾ Собственоруч. записки И. Могилы.—Предисловіе къ *Antropologiae Diplinae*, изд. 1631 г.

¹³⁾ Упоминается въ качествѣ наставника въ бумагахъ Львовскаго братства.

¹⁴⁾ См. предисловіе къ *Eucharistiorium*, изд. 1632 г.

дыхъ людей, посланныхъ Могилою въ заграницы школы для приготовленія къ профессорскому званію. Но опять—это одно только предположеніе. Въ качествѣ подобнаго же предположенія, имѣющаго нѣкоторую долю вѣроятности, замѣтимъ, не были ли въ числѣ отправленныхъ Могилою за-границу молодыхъ людей тѣ *Ивашковскіе, Шептицкіе* и друг., (о нихъ рѣчь во II томѣ изслѣдованія) встрѣчаемые въ качествѣ наставниковъ могилянской коллегіи вскорѣ послѣ ея основанія, но не оправдавшіе возлагавшихся на нихъ надеждъ и перешедшіе по-томъ въ унію? Не потому-ли Домецкій, поименовавши Гизеля, какъ съ честію послужившаго коллегіи, не упомянулъ обѣ остальныхъ, возвратившихся вмѣстѣ съ нимъ изъ за-границы молодыхъ ученыхъ?... Но какъ бы то ни было, самый фактъ посылки Могилою способныхъ людей въ иностранныя училища для довершенія образованія, не подлежитъ сомнѣнію; фактъ этотъ, независимо отъ свидѣтельства о немъ почти современника, находитъ для себя опору какъ въ томъ высокомъ уваженіи, какое питалъ Могила къ западно-европейскому образованію, такъ и въ недостаткѣ наличныхъ профессоровъ, способныхъ удовлетворять широкимъ требованіямъ ново-возникавшей коллегіи.

Посылка Могилою молодыхъ людей за-границу и его намѣреніе открыть высшую коллегію въ Лаврѣ сдѣлались известны кievлянамъ и встрѣчены были ими несочувственно. Они увидѣли въ этомъ обстоятельствѣ подрывъ своей школы, уже нѣсколько лѣтъ существовавшей при Кіево-Богояв-

ленскомъ братствѣ. Могла быть, особенно со стороны консервативной партии и другая причина къ неудовольствію,—именно опасеніе, какъ бы новая школа съ своею расширенною программою не сдѣлалась разсадникомъ ересей, тѣмъ болѣе, что на Могилу,—какъ мы видѣли,—вслѣдствіе бывшей его пріязни съ отступникомъ Смотрицкимъ, православные смотрѣли подозрительно. Поэтому, еще задолго до открытия предполагавшейся коллегіи кіевляне указывали пачерскому архимандриту на неудобства раздѣленія научныхъ силъ между двумя школами и просили его подготовляемыхъ имъ для своей коллегіи профессоровъ помѣстить въ братской школѣ, разширивъ кругъ преподаваемыхъ въ ней предметовъ. Тоже совѣтовалъ И. Могилѣ и его другъ митрополитъ Іовъ Борецкій. Но Могила—какъ можно думать—не соглашался на подобное предположеніе.

Къ началу 1631 года, нѣсколько деситилѣтій строившаяся львовскимъ братствомъ, великолѣпная успенская церковь была окончена. Могила, по просьбѣ братчиковъ, поѣхалъ во Львовъ на торжество освященія ея. Во время его отсутствія изъ Кіева, здѣсь случилось важное событие, своими послѣдствіями сначала было сблизившее Могилу съ кіевлянами, но потомъ еще болѣе разъединившее его съ ними. Мы имѣемъ въ виду смерть митрополита Борецкаго и выдвинутый ею вопросъ о замѣщеніи митрополичьей каѳедры новымъ лицемъ.

Наканунѣ своей смерти Борецкій составилъ духовное завѣщаніе. Умирающій митрополитъ, покидая земное поприще, съ особеною любовию останавливаетъ взоры на своемъ другѣ и *великомъ благодѣтель* Петрѣ Могилѣ. Его (совмѣстно съ луцкимъ епископомъ Исаакиемъ Борисковичемъ, находившимся въ то время въ Кіевѣ) онъ просить о погребеніи своего грѣшнаго тѣла; въ его заведываніе отдаетъ кіево-михайловскій монастырь; ему поручаетъ распоряженіе своею убогою маетностію, предоставляетъ главное опекунство надъ сиротьюющими своими родственниками, дарить «властные книги греческіе и латинскіе разныхъ авторовъ»... Но вмѣстѣ съ тѣмъ митрополитъ убѣдительнейше проситъ Могилу и даже подъ *неблагословеніемъ* запрещаетъ (приказываетъ), дабы школы въ братствѣ киевскомъ для цвиченя дѣтокъ христианскихъ, а не гдѣ индей фундованы были. Этотъ «пунктъ своей остатней воли» Борецкій считаетъ самымъ *первѣйшиимъ и потребнѣйшимъ* церкви Божіей и всему православному народу россійскому¹⁵⁾.

Извѣстіе о кончинѣ Іова Борецкаго получено было Могилою на пути къ Кіеву. Онь поспѣлъ къ погребенію митрополита, и ознакомившись съ духовнымъ завѣщаніемъ своего почившаго друга, вознамѣрился на ряду съ другими, заключающимися въ ономъ пунктахъ, исполнить и самый *первѣйший*, — согласился свой фундушъ на коллегію присоединить къ кіево-богоявленской школѣ, за

¹⁵⁾ Прилож. № LXXXI.

что кіевское братство обязывалось чтить фундатора титломъ старшаго своего брата и опекуна. Несомнѣннымъ памятникомъ подобнаго сближенія и соглашенія Могилы съ кіевлянами служить слѣдующая запись нашего іерарха на братскомъ уписѣ, сдѣланная 11 марта 1631 г. (слѣдовательно въ девятый день по кончинѣ Борецкаго): »За згодною прозбою всѣхъ ихъ милостей и отцевъ нашихъ духовныхъ и стану шляхетскаго обывателей кіевскихъ всякаго стану, вписанныхъ (до) братства церкви и монастыря Богоявленіе въ Кіевѣ, Ставропигіи святѣйшаго Вселенскаго прирожжскаго отца и пастыря Россійской церкви, патріархи Константинопольскаго, старшимъ братомъ, опекуномъ и фундаторомъ того сего братства, обители и школы любовни въ тотъ братскій реестръ подписью» (слѣдуетъ подпись¹⁶⁾).

Сближеніе Петра Могилы съ кіево-богоявленскимъ братствомъ, независимо отъ предсмертной просьбы Борецкаго, безъ сомнѣнія, имѣло и другую причину. Съ кончиною послѣдняго оказывалась вакантною митрополичья каѳедра и у Могилы могло явиться естественное желаніе занять ея. Но для осуществленія подобнаго желанія необходимо было заручиться сторонниками, въ особенности въ средѣ православныхъ кіевлянъ, какъ ближайшихъ лицъ, участвовавшихъ въ елекціи митрополита. Въ виду этого добрая отношенія къ кіево-богоявленскому братству должны были представляться для Могилы далеко небезполезными.

¹⁶⁾ Памятники Кіев., Коммис. т. II. № 2. стр. 40—42.

Но надежда П. Могилы занять первосвятительскую кафедру въ южно-русской церкви на этот разъ не осуществилась. Очевидно, не смотря на уступки, сдѣянныя кіево богоявленскому братству, православные все еще не могли забыть близкихъ отношений нашего іерарха къ Мелетію Смотрицкому. Его имя мы даже не встречаемъ въ числѣ кандидатовъ, предложенныхъ разными лицами на кіевскую митрополію. Такими кандидатами, кромѣ Германа Тышкевича, поддерживаемаго латино-уніатскою партіею и польскимъ правительствомъ (кандидата, поэтому, окончательно не могшаго разсчитывать на успѣхъ)¹⁷⁾, мы видимъ: слуцкаго протопопа Андрея Мужиловскаго¹⁸⁾, и Исаю Копинскаго, архіепископа смоленскаго и черниговскаго. Хотя Мужиловскій былъ извѣстенъ своею приверженностью православію, хорошо зарекомендовалъ себя литературною полемикою съ папистами и при томъ былъ поддержанъ сильнымъ въ то время казачествомъ, но онъ еще не былъ вдовцемъ; поэтому предпочтение отдано было Копинскому, тоже выдававшемуся въ глазахъ народа своею ревностію къ православію и особенно прославившемуся своими универсалами во время, указанныхъ нами, попыткой (1627—1628) православныхъ іерарховъ къ сближенію съ уніатами. Когда происходило избрание Копинскаго въ митрополита неизвѣстно; но ранѣе 20 іюля того же года состоялось уже и самое

¹⁷⁾ Прилож. № LXXII.

¹⁸⁾ Ibid.



посвященіе его въ этотъ санъ: оно совершено было греческимъ верейскимъ митрополитомъ Кирillомъ, находившимся въ то время (на пути въ Москву за милостынею) въ южно-русскихъ областяхъ^{19).}

Послѣ избранія Исаи Копинскаго на митрополію въ отношеніяхъ П. Могилы въ кіево-богоявленскому братству мы опять замѣчаемъ поворотъ, но уже въ другую сторону. Высказанное Могилою послѣ смерти Борецкаго обѣщаніе быть опекуномъ и фундаторомъ братскихъ школъ оставляется, уступая мѣсто прежнему предположенію -- основать высшую коллегію въ Лаврѣ.

¹⁹⁾ М. А. Максимовичъ (собраніе сочиненій, т. II. стр. 201) пріурочиваетъ посвященіе Исаі Копинскаго положительно къ 20 іюля, очевидно основываясь на замѣткѣ въ рукописномъ синодикѣ кіево-михайловскаго монастыря. Но почтенный пізлѣдователь ошибся: здѣсь указаніе на число относится не къ обозначенію времени посвященія въ митрополиты Копинскаго, но указываетъ только время, когда онъ „въ вѣчную память родители своя вписати повелѣ“. Имя въ виду пѣкотория обстоятельства (отѣзданіе Могилы изъ Киева въ началѣ іюня), можно предполагать, что означенное посвященіе состоялось болѣе чѣмъ за мѣсяцъ до 20 іюля. О томъ, что И. Копинскій посвященъ былъ въ санъ митрополита греческимъ верейскимъ митрополитомъ, находится указаніе въ одномъ изъ документовъ, хранящихся въ Архивѣ *Микис. Иис. Дѣя* (Дѣла малоросс., связка 2, № 3.—1631 г., сент. 1) «Воеводы тамошніе путівльскіе — читаемъ здѣсь — Андрей Литвиновъ и Игнать Уваровъ доносили царю, что сіи старцы (Евгений и Кипріянъ, щавши въ Москву съ проскою принять ихъ въ великороссійскіе монастыри) въ расѣ росѣ сказали: „А Лубенскій де Архіепископъ Исаія въ Киеве поставленъ митрополитомъ на Гевлево мѣсто Борецкова, а ставилъ де ею въ митрополиты греческій верейской митрополитъ, которой ись Путівля пущоцъ къ вамъ, государи, въ Москве“.



Въ половинѣ іюня, когда уже кандидатура Могилы на митрополію должна была считаться безнадежною, мы видимъ его во Львовѣ исключительно погруженнымъ въ заботы о скорѣйшемъ открытии школы. Памятникомъ этой заботливости служить дошедшее до нашего времени обѣщаніе Могилы, составленное въ братской успенской церкви и данное имъ двумъ, приглашаемымъ въ школу, профессорамъ—іеромонаху *Исаи Трофимовичу* и монаху *Сильвестру Коссову*. »Видя (писалъ Могила) величайшую потерю для душъ человѣческихъ отъ неучености духовенства и необученія юношества, и желая, при благости и помощи Божіей, по собственной моей воли, предотвратить столь великую потерю, а также пріобрѣсти удалившіхся отъ православія,—я вознамѣрился *заснововать школы* для того, чтобы юношество наставляемо было во всякомъ благочестіи, въ добрыхъ нравахъ и свободныхъ наукахъ«. Далѣе Могила заявляетъ, что для этой цѣли онъ собралъ къ себѣ братію изъ нѣсколькихъ лицъ и желая имѣть о нихъ надлежащее попеченіе, намѣревается какъ на пищу и одежду имъ, такъ и на другія надобности, назначить содержаніе изъ своихъ собственныхъ средствъ, и вообще обѣщаетъ всячески и во всемъ быть ихъ опекуномъ и покровителемъ. »Но чтобы—продолжаетъ Могила—то дѣло Божіе имѣло успѣхъ безъ остановки и призванные на то братія собирались безъ всякой отговорки, я находящимся при мнѣ въ сіе время, честнымъ отцамъ и братіямъ, т. е. іеромонаху Исаи Трофимовичу и монаху Сильвестру

Коссову и тѣмъ, которые потомъ къ нимъ присоединятся, отъ всего моего сердца предъ Господомъ Богомъ даю обѣтъ—все то, что будетъ значится въ фундушѣ, который будетъ данъ имъ отъ меня, безъ отлагательства и хлопотъ приводить въ исполненіе, въ Киевѣ, въ печерскомъ монастырѣ, или гдѣ мнѣ и имъ разсудится. Таковый фундuszъ я долженъ дать имъ законный, не подлежащий сомнѣнію, и какъ можно скорѣе, такъ что исполненіе сего моего обѣта они должны ожидать не долѣе года». Давая во всемъ этомъ торжественное обѣщаніе, Могила въ заключеніе присовокупляетъ: «и гдѣ бы я не преставился съ сего свѣта, не окончилъ того Божіяго дѣла, обязуюсь обеспечить оное духовнымъ завѣщаніемъ, назначивъ душеприкащиками людей уважаемыхъ и значительныхъ, чтобы они приводили то въ исполненіе безъ всякаго нарушенія моей воли»²⁰). По всей вѣроятности тогда же, изо Львова, посланы были Могилою письма къ константинопольскому патріарху еъ прошбою о ниспосланіи благословенія на новоустроемыя школы (патріаршее благословеніе было получено осенью того же 1631 г.).

Къ началу учебнаго года Могила прибылъ съ приглашенными имъ наставниками въ Киевъ и тотчасъ началъ дѣлать быстрыя приготовленія къ открытию въ Лаврѣ школы. Но на первыхъ же попрахъ его дѣятельность въ этомъ отношеніи встрѣчена была несочувственно и даже враждебно со

²⁰) Памят. кіевс. комм. т. II. № VII.



стороны многихъ лицъ. Первѣе всего вышли крупные непріятности съ иноками, примыкавшаго къ Лаврѣ, троицкаго больничнаго монастыря. Дѣло въ томъ, что для новооткрывшейся школы и размѣщенія новыхъ наставниковъ требовалась болѣе или менѣе обширныя зданія. Устроить школу и помѣстить «новопостриженную братію» (учителей) Могила призналъ наиболѣе удобнымъ въ троицкомъ монастырѣ (находившимся на правой сторонѣ отъ св. воротъ при выходѣ изъ Лавры); причемъ больничнымъ старцамъ предположилъ отвести соотвѣтствующее мѣсто по правую сторону тѣхъ же воротъ. Но—какъ мы видѣли (стр. 332)—троицкіе иноки, во главѣ съ своимъ игуменомъ Арсеніемъ, воспротивились этому, заявляя, что если архимандритъ хочетъ фундировать школы, то пусть избираетъ для нихъ какое-либо другое мѣсто, а ихъ—старцевъ—не тревожить. Впрочемъ Могилою это сопротивленіе было уничтожено скоро: онъ наказалъ несговорчивыхъ иноковъ, смѣстиль упорнаго игумена и, поставивъ новаго, вошелъ съ нимъ въ согласную съ своими предположеніями сдѣлку²¹⁾. Гораздо большая непріятность ожидала Могилу впереди. Едва началось ученіе въ новой коллегіи, какъ въ средѣ кіевскаго общества, (очевидно недовольнаго Могилою за его отказъ быть фундаторомъ школъ исключительно въ богоявленскомъ братствѣ), возникли крайне неблагопріятные толки о характерѣ преподованія могилянскихъ профессо-

²¹⁾ Описан. кіево-печер. лавры. Прибавленія.

ровъ: ихъ обвиняли въ шаткости убѣжденій, въ приверженности къ унії. Подобные толки сильно волновали особенно простой народъ; а когда они дошли до козаковъ, то волненіе разрѣшилось открытымъ возмущеніемъ. »Отъ неученыхъ поповъ и козаковъ—пишетъ Домецкій—веліе было негодованіе: на што латинское и польское училище заводите, чего у насть дотуду не бывало и спасались... Было хотѣли самаго Петра Могилу и учитель до смерти побити; едва ихъ уговорили. »Какіе перуны, какіе громы посыпались тогда на насть невозможно и описать чернилами»—говорить С. Коссовъ, самъ подвергавшійся описываемой имъ опасности. »Было такое время, что мы, исповѣдавшись, только и ждали, что вотъ начнутъ начинять нами желудки днѣпровскихъ осетровъ, или же того огнемъ, другаго мечемъ отправятъ на тотъ свѣтъ.

Указываемое нами возмущеніе извѣстно. Оно приводится или цитуется рѣшительно всѣми историками, писавшими о кіево-могилянской коллегіи; но только несправедливо всѣми ими относится къ 1634 или даже 1635 г. г. (очевидно на томъ основаніи, что Exegesis—защита школъ кіевскихъ—изданъ въ послѣднемъ изъ означенныхъ годовъ). Что указанное возмущеніе дѣйствительно происходило въ концѣ 1631 года—какъ мы утверждаемъ,—а не спустя нѣсколько лѣтъ послѣ основанія кіево-могилянской коллегіи, это ясно можно видѣть послѣ внимательнаго анализа извѣстія объ этомъ Коссова. Счи-

таемъ необходимымъ привести означенное извѣстіе въ полномъ его видѣ.

„Вотъ уже четвертый годъ проходитъ—пишетъ Коссовъ,—благосклонный читатель, какъ мы, изучивъ науки Паллады въ католическихъ академіяхъ, стали насаждать въ русскіе умы латинскій языкъ лучше, нежели бывшіе до нась наставники; и это не изъ иныхъ какихъ либо побужденій, какъ только потому, чтобы мы могли заслужить у Предвѣчнаго какое либо воздаяніе такими добрыми дѣлами, которыя въ особенности повелѣваютъ просвѣщать незнающихъ, а также, чтобы вышедши изъ среды православнаго народа нашего успѣли распространить въ немъ свѣтъ Апостола. Такія намѣренія неблагопріятно встрѣтило легкомысліе, которое царствуетъ въ обществѣ. Какъ скоро мы съ его милостью отцемъ Петромъ Могилою, киевскимъ митрополитомъ (въ то время еще архимандритомъ) достигли до тебя, приснопамятный Кіевъ, и, охраняемые святыми стражами, твою оградою непобѣдимою, примѣнили *primus Minervae munus*, то о нась начали внушать народу, что будто мы уніаты, что будто мы неправославные. Какіе перуны, какіе громы и молніи разныя посыпались на нась тогда, того невозможно описать чернилами. Было такое время, что мы, исповѣдавшись, только и ждали, что вотъ начнутъ начинять нами желудки днѣпровскихъ осетровъ, или же того огнемъ, другаго мечемъ отправлять на тотъ свѣтъ. Тогда-то Онъ, непостижимый Сердцевѣдецъ, видя нашу невинность и большую нужду русскаго народа въ ученыхъ мужахъ, разсѣялъ эти тучи несправедливыхъ мнѣній, остановилъ дѣйствія грозныхъ мыслей, просвѣтилъ сердца всѣхъ, такъ что въ нась познали истинныхъ сыновъ восточной церкви, послушныхъ святому отцу, патріарху константинопольскому. А затѣмъ по особенной милости и благословенію Всевидящаго, господа обыватели киевскіе и другихъ мѣсть, охотнѣе, чѣмъ при предкахъ нашихъ (которые и



до нась постоянно учили по-латыни), стали наполнять своими дѣтьми, какъ муравьями, наши Аполлоновы житницы, называть ихъ Геликономъ, Парнасомъ, величаться ими. Но кто же это былъ такой лицемѣръ, спросишь благосклонный читатель?—Никто другой, какъ тотъ, который теперь считается нась за Аріанъ, Кальвинистовъ и Лютеранъ, думая, что служа у этихъ премерзкихъ сектъ министрами и супер-интендедами, мы ихъ ересью заражали умы людей, какъ въ Киевѣ, такъ и въ Винницѣ. Это причинило нашему сердцу боль и мы взялись за перо, чтобы оправдаться въ своей невинности и снять съ себя эти обвиненія,—а также показать, какая была потребность для нашего народа въ латинскихъ школахъ. О милостивомъ вниманіи къ чему мы всеунизеннѣйше и просимъ читателей.

(Далѣе слѣдуетъ объясненіе, чѣмъ отличается ученіе православной церкви, которое исповѣдуютъ преподаватели кіево-могилянскай коллегіи, отъ ересяй аріанскихъ, лютерскихъ и кальвинскихъ).

И прямая указанія въ приведенномъ мѣстѣ и непосредственно вытекающія изъ него соображенія не даютъ ни малѣйшаго основанія отодвигать описанное здѣсь возмущеніе кіевлянъ противъ могилянской коллегіи далѣе осени 1631 года. Во первыхъ, Коссовъ прямо пріурочиваетъ означенное возмущеніе къ тому времени, когда они (т. е. учителя, приглашенные въ ново-открывающуюся коллегію) съ митрополитомъ П. Могилою, *тогда* (на опczas) *еще архимандритомъ*, только что прибыли въ *Kievъ*; прямо говоритъ, что оно произошло въ то время, когда они, *охраняемые святыми стражами* (ясный намекъ на лавру, гдѣ почиваются св. угодники), примѣнили *primus Minervae tinus*. Во втор-

рыхъ, Коссовъ полагаетъ рѣзкую грань между тѣмъ тревожнымъ положеніемъ кіево-могилянскай коллегіи, когда въ ней примѣняли *primus Minervae tipis*, и современнымъ изданію *Exegesis'a*, когда сердца всѣхъ просвѣтились и сбыватели кіевскіе и другихъ мѣстъ стали съ охотою наполнять Апполоновы житницы (школы) своими дѣтьми, какъ муро-вьями. Если бы возмущеніе кіевлянъ противъ могилянской коллегіи происходило въ 1635 или даже въ 1634 г.,—то неужели ея наставники въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ не только могли бы снять съ себя всякое подозрѣніе, но даже заслужить всеобщую любовь?—Очевидно, для всего этого требовалось болѣе продолжительное время.... Наконецъ, если признать, что кіевляне намѣревались громить могилянскую коллегію спустя 3—4 года послѣ ея основанія, то страннымъ и даже положительно небѣяннимъ становится: какъ могло случиться это въ то время, когда П. Могила своею энергическою дѣятельностію на пользу православія во времія бывшихъ въ 1633—1633 гг. сеймовъ заслужилъ всеобщее расположение южно-руssскаго народа и за свои заслуги почетенъ былъ избраніемъ въ сань митрополита? Какъ могло все это случиться въ то время, когда могилянская коллегія окончательно уже слилась со школою высокоуважаемаго кіевлянами Богоявленскаго братства?—Мы предвидимъ одно возраженіе, основанное на слѣдующемъ соображеніи (имѣя въ виду которое, историки и относятъ означенное возмущеніе противъ коллегіи къ 1634—1635 гг.): Коссовъ свидѣтельствуетъ, что



причиною вспыхнувшего неудовольствія противъ могилянскихъ школъ были толки о неправославії, приверженности къ унії ея наставниковъ; брошюра въ защиту сихъ школъ издается въ 1635 г.; естественно предполагать, что между временемъ появленія въ свѣтѣ этой брошюры и означеннымъ возмущеніемъ промежутокъ былъ небольшой.—Разумѣется, приведенное возраженіе имѣло бы немаловажное значеніе, если бы справедливо было, что *Exegesis* Коссова былъ написанъ въ защиту могилянскихъ школъ *по поводу испытанныаго ими нападенія со стороны кіевлянъ*. Но мы не думаемъ этого. Въ самомъ дѣлѣ, какія обвиненія взволновавшееся кіевское общество возводило на профессоровъ коллегі?—Обвиненія въ приверженности къ унії. Въ чемъ, поѣтому, должна была состоять защита коллегіи и ея преподавателей (предполагая, что она написана *по поводу означенныхъ обвиненій*)?—Очевидно, въ доказательствѣ того, что между уніатами и учащими въ коллегіи нѣть ничего общаго. Между тѣмъ мы видимъ, что *Exegesis*'ѣ обѣ унії и вообще папизмъ ничего не говорится: все вниманіе Коссова исключительно сосредоточено на доказательствахъ того, что между православнымъ учениемъ, которое преподаётся въ коллегіи, и разными ересями—аріанскою (социніанскою), лютеранскою, кальвинскою—нѣть ничего общаго. Слѣдовательно—можно думать,—причина, побудившая Коссова писать сочиненіе въ защиту кіево-могилянскихъ школъ была иная, чѣмъ какая обыкновенно указывается нашими историками... Что же это была за причина?—

Указание на нее находится какъ въ самомъ *Ehegesis'ѣ*, такъ (отчасти) и въ другихъ тоговременныхъ памятникахъ... Нужно предварительно замѣтить, что когда на сеймахъ 1632—33 гг. возстановлены были права православной южно-русской церкви, въ латино-уніатскомъ лагерѣ произошло сильное волнение. Посыпались письма къ папѣ, королю и другимъ влиятельнымъ лицамъ, въ коихъ указывалась незаконность дарованія схизматикамъ льготъ и привилегій и высказывалось желаніе ограничить оныя, а въ томъ числѣ и права относительно фундованія школъ съ разширеннымъ кругомъ предметовъ. Безъ сомнѣнія, въ это время появилось какое то сочиненіе и о школахъ могилянскихъ, въ которомъ говорилось о необходимости ограничить ихъ права,— сравнять ихъ въ учебномъ отношеніи со школами еретическими (права послѣднихъ были съужены). Старанія латино-уніатовъ затормозить начавшееся процвѣтаніе кіевскихъ школъ не остались безъ послѣствій. Король Владиславъ IV, на коронаціонномъ сеймѣ 1633 г. подтердившій права русскихъ школъ, въ слѣдующемъ уже году писалъ Могилѣ, «дабы онъ и друкарню латинскую и школы латинскія уничтожилъ (zniosł) и чтобы ихъ не было ни въ Кіевѣ, ни въ Винницѣ, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ»,—причемъ угрожалъ за ослушаніе строгою карою. Письма подобнаго же содержанія королемъ были посланы къ кіевскому воеводѣ и винницкому старостѣ, съ приказаніемъ, чтобы они, если Могила будетъ противиться снесенію школъ, сами силою ихъ закрыли и вообще не допускали произво-



диться въ нихъ ученію, такъ какъ это—присовокуплялъ король—наносить большой ущербъ отцамъ іезуитамъ²²⁾.—Могила, разумѣется, не послушался королевскихъ приказаній и не допустилъ закрыть школъ, основаніе которыхъ стоило ему столь многихъ заботъ и трудовъ. Тѣмъ не менѣе, рѣшительные нападенія латино-уніатовъ нельзя было оставлять безъ вниманія. Явилась необходимость въ научной защитѣ школъ, которая и была возложена на бывшаго ихъ профессора Сильвестра Коссова.

Что появленіе въ свѣтѣ *Exegesis*'а вызвано было вышеозначенными обстоятельствами, указанія на это, какъ уже замѣчено, можно найти въ немъ самомъ.

Предъ началомъ своихъ доказательствъ о различіи православія отъ разныхъ ересей, Коссовъ говоритъ: «когда, ругаясь надъ нами, лицемѣръ начинаетъ аргументировать, то онъ принимается за такой силогизмъ:

Еретикамъ (т. е. арианамъ, кальвинистамъ и лютеранамъ) должно быть воспрещено учить;

А въ Киевѣ и Винницѣ учатъ еретики;

Слѣдовательно это имъ должно быть запрещено.

Мы же, которые учили въ Киевѣ и Винницѣ, признавая большую посылку, отрицаемъ меньшую...

²²⁾ Письма короля: къ Могилѣ, отъ 29 окт., къ кіевскому воеводѣ —отъ 27 нояб., къ винницкому старостѣ —отъ 29 окт.—Всѣ эти письма помѣщены въ рукописи, находящейся въ библіотекѣ краковскаго университета (№ 44).

Затѣмъ, послѣ длинныхъ доказательствъ, почему нельзя смѣшивать православныхъ съ еретиками, авторъ *Exegesis'a*, обращается къ самому лицемѣру: «обѣднѣли—говоритъ онъ—твои доказательства, потому что и сломанныхъ ногъ не имѣютъ... Пробудись, ласковый читатель,—будемъ слушать. Отецъ Сильвестръ Коссовъ, бывшій предъ симъ три года профессоромъ, и тѣ, которые теперь учатъ въ школахъ кіевскихъ и винницкихъ, суть дѣти родителей греческой религіи; учились въ академіяхъ римскихъ въ Польшѣ и Литвѣ, и цезарской; учатъ по-латыни, ни въ чемъ не нарушая древней, греческой религіи: слѣдовательно они кальвинисты. Поистинѣ я не зналъ, что ты, измѣнникъ, столь искусный перепатетикъ! Прилично бы тебѣ, какъ оказывается изъ твоихъ разсужденій, возвѣдать съ тѣми, которые изъ вѣтра стараются плести веревки, потому что навѣрное между ними ты занималъ бы первое мѣсто... Что далѣе?—Кальвинисты утверждаютъ, что константинопольскій патріархъ тоже кальвинистъ; вы его слушаете: слѣдовательно и вы кальвинисты. Но кто же изъ разумныхъ людей, признаетъ подобные доказательства справедливыми? Кальвинисты говорятъ и пишутъ, что папа есть тотъ антихристъ, который долженъ прийти предъ суднымъ днемъ: слѣдовательно—иначе и быть не можетъ? слѣдовательно—правда?... Лицемѣръ говоритъ: учитесь по-гречески, а не по-латыни. Добрый совѣтъ, но онъ наиболѣе пригоденъ въ Греції, чѣмъ въ Польшѣ, гдѣ безъ знанія латинскаго языка обойтись трудно... Лицемѣръ говоритъ: за-

чѣмъ Русь учитъ по-латыни, пусть обучается ей у римлянъ. Красивый дятелъ да еще съ носкомъ! Посылаешь насъ за хлѣбомъ, когда мы его имѣемъ дома. Было время когда мы ъздили по Ингольштадамъ, Ольмюнцамъ,—а въ настоящее время, по милости Божией, нѣтъ надобности въ этомъ: имѣемъ уже хлѣбъ во рту и другихъ имъ снабжаемъ. О несказанная жадность! Ты, лицемѣръ, самъ имѣешь этотъ хлѣбъ не только во рту, но и за ртомъ, однако желаешь, чтобы никто его не имѣлъ, въ особенности же ты, небогатая Русь!»..

Приведенные выдержки—думаемъ—не могутъ оставлять сомнѣнія въ томъ, по какому поводу написанъ былъ *Exegesis*. Что же касается до указанія Коссова на возмущеніе противъ коллегіи со стороны кievлянъ,—то оно сдѣлано, такъ сказать, къ слову. Авторъ *Exegesis'a* хотѣлъ представить какъ бы маленький историческій очеркъ могилянскихъ школъ, причемъ, желая указать на великое значение ихъ, замѣтилъ, что одно только недоразумѣніе могло быть причиной прежняго недружелюбнаго отношенія къ нимъ со стороны кievскаго общества ²³⁾.

²³⁾ Въ доказательство того, что возмущеніе противъ лаврской коллегіи происходило въ 1631 году можно привести еще одно того-временное свидѣтельство. Свидѣтельство это хотя, по своей неопределеннности, само по себѣ и не особенно важно, но въ связи съ указанными данными и оно получаетъ значеніе. Въ Евхаристиріонѣ—панегирикѣ, поднесеннымъ Могилѣ въ 1632 г., онъ восхваляется за свои заботы о школахъ, ради которыхъ ему приходится иереносить перешкоды и хлѣпоты. (Не указаніе ли на возмущеніе 1631 г.)?



Возвращаемся къ прерванному нами разсказу о новоустроемой могилянской коллегіи.

Поистинѣ въ желудки днѣпровскихъ осетровъ—перепектива крайне незавидная, между тѣмъ—въ особенности, коль скоро приняли участіе въ возмущеніи противъ школъ и козаки,—далеко не несбыточная. Петръ Могила, легко расправившійся съ недовольными его распоряженіями троицкими иноками, не имѣлъ возможности справиться съ разъярившею чернью и долженъ быть пойти на уступки,—долженъ былъ дать свое согласіе на соединеніе фундуемой имъ высшей коллегіи съ Кіево-Богоявленскимъ братскимъ училищемъ, выговаривая себѣ, впрочемъ, иниціативу въ этомъ дѣлѣ и главное опекунство и надзоръ надъ соединяемыми школами.

Оффиціальными памятниками означенного соединенія школъ служатъ слѣдующіе, дошедшиe до нашего времени, документы:

1) Актовая запись обывателей кіевскаго воеводства и всѣхъ кіевскихъ братчиковъ, данная П. Могилѣ,—гдѣ они заявляютъ, что, видя великое удобство, потребность и пользу въ основаніи школъ въ городѣ Кіевѣ, *при церкви братской Богоявленія Господня*, они просили преподобнѣйшаго господина, отца Петра Могилу, воеводича молдавскаго, на сie время архимандрита печерскаго, дабы онъ школы, которые началъ устраивать въ кіево-печерскомъ монастырѣ, и находящихся при нихъ учителей—братію монастыря печерскаго, благоволилъ перенестъ на вышеупомянутое мѣсто; что его мил. отецъ П.



Могила охотно согласился на это, сбѣщая основать здѣсь именно школы, но съ условіемъ быть *старшимъ братомъ, пожизненнымъ блюстителемъ и защитникомъ*, какъ самихъ школъ, такъ и братскаго монастыря, со всѣми находящимися въ его вѣдѣніи имѣніями, доходы съ которыхъ должны быть обращаемы исключительно на монастырскія и школьнія потребности; что братчики согласились на это опекунство, поставивъ отъ себя слѣдующія условія: во 1-хъ, чтобы заботы Могилы о монастырѣ и школахъ были раздѣляемы съ годичными братскими старостами, которые, впрочемъ, не должны быть противны совѣту и волѣ его милости, но во всемъ обязаны будуть слушаться его, какъ старшаго брата, блюстителя и пожизненнаго опекуна; во 2-хъ чтобы не былъ нарушаемъ фундушъ монастыря, и наконецъ, въ 3-хъ чтобы опекунство Могилы было только *личное*, а не по сану архимандрита, такъ что послѣ его смерти выборъ новаго опекуна предоставлялся бы исключительно братству²⁴⁾.

2) Грамота (отъ 5 генв. 1632 г.) митрополита Исаи Копинскаго съ прочими православными епископами и духовенствомъ, гдѣ—какъ и въ предшествующемъ актѣ—говорится о дѣбровольномъ желаніи Могилы соединить фундуемыя имъ въ лаврѣ школы съ братскими и указываются извѣстныя уже условія, на которыхъ предполагается это соединеніе,—причемъ лично отъ себя Копинскій ста-

²⁴⁾ Памят. кіев. комм. т. II. № VIII.



вить еще слѣдующее условіе: »на возглашеніяхъ и эктеніяхъ должно быть поминаемо тамъ (т. е. въ училищномъ монастырѣ) имя митрополита, потому что какъ сначала то святое място стараніемъ нашимъ было фундовано, такъ и теперь за нашимъ благословеніемъ имѣеть устроиться²⁵⁾.

3) Войсковой листъ (отъ 12 марта 1632 г.) гетмана Петрицкаго и всего запорожскаго войска, однородный по содержанію съ предшествующими документами, въ коемъ войско, съ своей стороны упрашивая пачерскаго архимандрита о фундованіи школъ въ братствѣ, обѣщается имѣть ихъ подъ своею защитою и стоять за нихъ до самой смерти²⁶⁾.)

Могилою дано было обѣщаніе присоединись лаврскую школу къ братской еще въ концѣ 1631 года, но самое соединеніе школъ рѣшено было отложить до начала слѣдующаго года. Поэтому до лѣтнихъ мясяцевъ 1632 г. обученіе «собранными» Могилою учителями производилось еще въ Лаврѣ.

О лаврской школѣ за весьма непродолжительный (немного болѣе полугодичнаго) періодъ ея существованія извѣстно весьма мало. Не вдаваясь въ гадательныя предположенія²⁷⁾ о постановкѣ

²⁵⁾ Ibid. № IX.

²⁶⁾ Ibid. № X.

²⁷⁾ О Могилевской коллегіи позднѣйшаго времени имѣется уже достаточное количество данныхъ относительно постановки въ ней учебнаго дѣла (сохранились даже, хотя и не въ большемъ количествѣ, за-



учебного дѣла въ коллегіи, мы ограничимся только приведеніемъ положительныхъ свѣдѣній о данномъ предметѣ.

Безъ сомнѣнія, латинскій языкъ занималъ въ лаврской школѣ первенствующее положеніе, подобное тому, какое принадлежало въ до-могилянскихъ школахъ языку греческому. Фундаментальная Могилою коллегія въ тоговременныхъ памятникахъ прямо называется *латинскою* (зачѣмъ *латинское* училище заводите?—говорили киевляне). Сильвестр Коссовъ положительно заявляетъ, что они, т. е. учителя, приглашенные въ лаврскую школу, *начали насаждать въ русскіе умы латинскій языкъ лучше, нежели бывшіе до нихъ наставники*, и представляетъ длинный рядъ доказательствъ, почему для южно-руссцевъ необходимо изученіе описанного языка. «Латинскія школы— говоритъ авторъ *Exegesis'a*— необходимы для того, чтобы нашей Руси не называли глупою *Rусью*. А то поѣдетъ бѣдняга русинъ на трибуналъ, на сеймъ или сеймикъ, въ уѣздный городской судъ или земскій,— смотришь—*bez laciny placi winy*: ни судьи, ни стряпчаго, ни ума, ни посла; глядитъ только то на того, то на другаго, вытаращивъ глаза какъ ворона». Наконецъ, первенствующее значеніе латинского языка въ лаврской коллегіи неизбѣжно предполагается уже одною изъ

писки по нѣкоторымъ читаемымъ здѣсь предметамъ), но мы считаемъ себя не вправѣ на основаніи позднѣйшихъ данныхъ дѣлать предположенія о характерѣ преподаванія въ коллегіи, находившейся еще въ лаврѣ: въ данномъ случаѣ натяжки представляются неизбѣжными.

главныхъ задачъ, которой она, по мысли фундатора, вполнѣ должна была удовлетворять—дать своимъ питомцамъ высшее образованіе, сдѣлать для нихъ излишними поездки въ коллегіи заграничныя, гдѣ преподаваніе латинскаго языка положено было въ основу обученія.

Междѣ наставниками могилянской коллегіи за рассматриваемый періодъ ея существованія мы видимъ: во первыхъ, приглашенныхъ изо Львова—іеромонаха *Исаю Трофимовича—Козловскаго*, возвведенаго вскорѣ въ игумена приписанаго къ Лаврѣ Дятеловецкаго монастыря (разумѣется, въ видахъ предоставленія ему настоятельскихъ доходовъ), и монаха *Сильвестра Коссова*. Первый былъ ректоромъ коллегіи и вмѣстѣ профессоромъ философіи, а второй—профессоромъ реторики; затѣмъ *Софронія Почапскаго*, «одного изъ наименьшихъ братій общежительного монастыря печерскаго» (какъ онъ подписался подъ посвященіемъ Могилѣ Евхаристиріона), тоже преподававшаго, въ званіи профессора, реторику,—и наконецъ отца (монаха) *Пацевскаго*, обучавшаго поэтикѣ. Безъ сомнѣнія, кромѣ поименованныхъ были »у разныхъ школахъ« и другие профессора²⁸⁾.

Къ пасхѣ 1632 г. Петру Могилѣ отъ спудеовъ основаннаго имъ *імназіума* зѣ школы реторики поднесенъ былъ панегирикъ—*Евхаристиріонъ* албо *вдичность*. Панегирикъ этотъ представляеть собою единственный, известный намъ, литературный па-

²⁸⁾ Прилож. № LXXXIX.—*Евхаристиріонъ*, изд. 1632 г.

митникъ кіево могилянської колегії за время ея нахожденія въ Лаврѣ. Онъ служить краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что тотъ виїшній блескъ «холастической» науки, тѣ риторическія фразы и «хитрорѣчіе», которые были присущи западно-европейскимъ, въ особенности іезуитскимъ коллегіямъ,—сразу же пустили глубокіе корни и въ могилянскомъ *імназіумѣ*. Въ посвятительной предмовѣ, составленной самимъ профессоромъ реторики Софроніемъ Почапскимъ, Могила восхваляется слѣдующимъ образомъ. «Вафаленскій король, ясне вельможный милостивый отче, имѣлъ обычай выносить своимъ подданнымъ свѣчу въ знакъ той горячей любви, какую питалъ къ нимъ. Королева наукъ, Минерва православно-каѳолическая, безплодная до сего времени, уродила, по милости Божіей, въ православной наукѣ православныхъ сыновъ, которые, собравшия подъ наметъ твоей щедрости, подъ плащъ твоей заботливости, подъ благопривѣтливость (упрѣмость) твоей благосклонности къ наукамъ,—не знаютъ, какой бы употребить символъ для обнаруженія своей къ тебѣ благодарности. Какъ пану приличествовало бы тебѣ поднести золото; но ты самъ вмѣстѣ съ золотомъ отдалъ себя наукѣ. О неслыханная въ Россіи щедрость! Прилично бы, какъ королю драгоцѣнныя камни; но ты самъ, будучи неоцѣненнымъ камнемъ по своимъ добродѣтямъ и благочестію, сыновъ Минервы дорогими камнями считаешь и обѣ этомъ велегласно говоришь. А самъ, будучи тѣмъ, чѣмъ золото между металами, алмазъ между каменями, таковыми почитаешь



занимающихся науками,—и все это по любви своей къ матери церкви, которую ты, какъ *атлас тон зуравов* отодѣзато двигать и вспомоществовать соизволяешь». Далѣе, послѣ объясненій, почему П. Могила есть золото и алмазъ,—понегиристъ заявляетъ, что самымъ приличнымъ символомъ благодарности ему со стороны спудсевъ должны быть воздвигнутыя для него горы Парнасса и Геликона, дабы вознесенная на нихъ слава фундатора школъ была видна всему всему свѣту.

Самый панегирикъ состоитъ изъ двухъ частей. Первая носить заглавіе—*Геликонъ*, то есть садъ умѣтности первый, осмѣ наукъ въ себѣ маючій, презъ велеб. Оша П. Могилу въ Россіи ново фундованный. Здѣсь воспѣваются—самый Геликонъ и слѣдующія корени *его умѣтности*: 1) Грамматика (учить словъ и мовы); 2) Реторика (учить словъ и вымовы); 3) Дialectika (учить розумнаго въ речахъ познаваня); 4) Ариометика (учить личбы) 5) Музыка (учить спѣваня); 6) Геометрія (учить землѣ розмѣреня); 7) Астрономія (учить бѣговъ небесныхъ); и 8) Феологія (корень всѣхъ наукъ и умѣтностей,—учить Бозскихъ речей). Въ концѣ находятся еще два стихотворенія, изъ коихъ въ первомъ восхваляется любовь П. Могилы къ наукамъ, а во второмъ приносится мольба къ Богу о томъ, чтобы онъ поддерживалъ въ фундаторѣ эту любовь и чрезъ то «загрѣвалъ квѣтки (цвѣты) въ Геликонѣ». Вторая часть озаглавливается: *Парнасъ албо садъ умѣтности второй, (который) старанемъ и коштомъ .. П. Могилы... десѧть лѣтораслей наукъ вызволенныхъ южъ зъ себе выпущаетъ*. Здѣсь воспѣваются—во первыхъ, самый Парнасъ, и затѣмъ слѣдующія его лѣторасли: 1) Клио, т. е. цвичене въ читаню чисторії; 2) Меліомене, т. е. цвичене въ писаню вѣршовъ смутныхъ и жалобныхъ; 3) Уранія, т. е. цвичене въ бѣгlosti звѣздарской. 4) Калліопе, т. е. цвичене въ писаню высокихъ и поважныхъ речій; 5) Полімія,



т. е. цвичене въ быстрой памяти многихъ речій; 6) Θаліа, т. е. цвичене въ писаню вершовъ веселыхъ; 7) Евтерпе, т. е. цвичене въ спѣваню; 8) Терпсихоре, т. е. цвичене въ спѣваню инструментальномъ; 9) Ерато, т. е. цвичене въ спѣваню умилъномъ, и 10) Аполло,—льторосль всѣхъ наукъ и умѣтностей.—Въ концѣ тоже находится благодарность Могилѣ и мольба къ Богу; кроме того (на послѣдней страницѣ) стихотвореніе—*зоилеви* (недоброжелателю), которому не совѣтуетъ вооружаться противъ Могилы, такъ какъ онъ «не боится шарпания зубатыхъ зоиловъ».—Подъ стихотвореніями подписаны 23 ученика изъ класса реторики (они перечисляются у *Максимовича*, собр. соч. 11. 202).

Сказанымъ исчерпывается все историческое значение означенного написирика, такъ какъ находящіяся въ немъ вирши, представляя опытъ въ упражненіи стихослагательства (при чемъ содержание всегда приносилось въ жертву формѣ) не даютъ возможности сдѣлать никакихъ выводовъ ни объ объемѣ ни о характерѣ преподаванія перечисляемыхъ въ Евхаристиронѣ наукъ. Но разумѣется интересно уже и самое перечисленіе наукъ, хотя бы и сдѣланное искусственно.

Могилянскую коллегію предположено было соединить со школою Кіево-Богоявленскаго братства—какъ мы сказали--съ начала ближайшаго учебнаго года ($163^{2/3}$); но прежде чѣмъ состоялось это соединеніе въ Польской Коронѣ случилось событие, имѣвшее весьма важныя послѣдствія какъ для всей южно-русской церкви, такъ въ частности и для самого И. Могилы. Мы разумѣемъ смерть Сигизмунда III и какъ ближайшія ея слѣдствія—возстановленіе правъ православной церкви и возведеніе на митрополію нашего іерарха.
